

КАТЕРИНА
РОММ

ФЛОРИЕНЦЕИЛ

*Одна
из них*

ПОЛІНЬ
ИЗДАТЕЛЬСТВО

Катерина Ромм
Флориендейл. Одна из них

ИД "КомпасГид"

2024

УДК 821.161.1-312.9-93
ББК 84(2=411.2)6-445

Ромм К.

Флориендейл. Одна из них / К. Ромм — ИД "КомпасГид", 2024

ISBN 978-5-907124-29-5

Пятнадцать лет назад беженцы с Поверхности захватили Флориендейл и заточили королеву в тюрьму. С тех пор магия начала угасать. На месте руин и пепелища революции возникло новое государство – Соединённая Федерация. Вероника растёт в заточении с самого рождения. Свобода кажется ей недостижимой. Перед шестнадцатилетием двери клетки неожиданно распахиваются. Но можно ли доверять тому, для кого обещания, преданность и честь – пустой звук? Двойняшки Мари и Кассандра живут на окраине Федерации и мечтают о будущем после школы, но всё рушится, когда на пороге их дома появляется служба госбезопасности и арестовывает Мари. Кассандра немедленно отправляется на поиски сестры. Три девушки. Только одна из них сможет разобраться с ошибками прошлого, вернуть магию и спасти Флориендейл. Но которая? Об этом не знает никто, даже она сама. Произведения автора, Катерины Ромм, отмечены премиями «Новая Фантастика – 2021» и «Кубок Брэдли – 2021».

УДК 821.161.1-312.9-93

ББК 84(2=411.2)6-445

ISBN 978-5-907124-29-5

© Ромм К., 2024

© ИД "КомпасГид", 2024

Содержание

Действующие лица	6
Damnatio memoriae[1]	8
Часть 1	20
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Катерина Ромм

Флориендейл. Одна из них

© Катерина Ромм, текст, 2024

© ООО «ИД «Теория невероятности», 2024

Действующие лица

Королевская семья Алейн

Эстель Амейн, королева

Вероника Амейн, дочь Эстель, наследная принцесса

Венда Амейн, мать Эстель, королева-на-покое

Николас Корелл, муж Эстель, король

Семья Клингер

Мари и Кассандра Клингер, двойняшки

Ремко Клингер, отец

Розалия Клингер, мать

Магистры Флориендейла

Первый магистр Эдриан

Альфа Камила, магистр воздуха

Бета Анна Магдалена, магистр огня

Гимель Лукос, магистр земли

Далет Осцельс, магистр воды

Аристарх Фендоу, магистр доходов и расходов

Аврора, магистр информации

Ляля Бимбикен, временно магистр правосудия

Соединённая Федерация

Роттер, предводитель Соединённой Федерации

Эдгар Линчев, правая рука Роттера

Игорь Линчев, отец Эдгара (†)

Ирина Линчева, сестра Эдгара (†)

Уильям Холланд, Алилутская тюрьма строгого режима

Маньяна, экономка в тюрьме Холланда

Вилмор Госс, Следственный изолятор Роттербурга

Тобиас Госс, сын Вилмора

Окрестности Роттербурга

Кенжел Андрис, старший брат, лётчик

Алишер Андрис, младший брат, студент

Ирка и Ли, сослуживцы Кенжела

Маргарета и Джим, студенты колледжа

Джоан, бывшая подруга Кенжела

Ливьеры и другие

Эльсона, Гиория, Нириаль, Анель и др. в лагере ливьер

Призрак, инкогнито в Индувилоне

Томир и Рофи, братья Призрака

Стафис, приятель Мари в Цветочном округе

Лидия, маленькая сестра Стафиса

Дарина, Эрильен, Ивар и др. в Алилуте

Лемери

Мы встретимся у водопада
Моему дедушке

Damnatio memoriae¹

α

А помнишь, как всё было раньше?

Эстель открыла глаза. Туман.

– Я помню, – прошептала она, вытянула руку и постаралась нащупать хоть что-нибудь в густом белом облаке.

За молочной пеленой скользили тени. Они были повсюду: справа, слева, за спиной. Куда же ей идти?

Эстель закружилась на месте и чуть не столкнулась с высоким мужчиной. «Отец», – подумала она в первое мгновение, но это был всего лишь магистр Эдриан.

Он улыбнулся сквозь медную бороду, наклонился и протянул руки. Эстель шагнула навстречу – она едва доставала ему до пояса. Первый магистр легко подхватил её и посадил на плечи. От него приятно пахло чернилами.

– Господин Эдриан? – позвала Эстель, и собственный голос показался ей чужим, таким он был тоненьким и звонким. Магистр не ответил.

Коварный туман окутывал их, лез в лицо и кусал Эстель за щёки. Она потёрла слезящиеся глаза, а когда отняла ладони, всё вокруг переменялось. Господин Эдриан исчез, и Эстель опять оказалась посреди молочного облака. Туман расступился, выпуская на авансцену новые фигуры.

А помнишь, как было?..

Эстель узнала очертания просторного зала и пышно украшенные ели. Это был бал – зимний выпускной бал в Манольском университете, и она кружилась в танце, подхваченная за талию кавалером, чьё имя давно стёрлось из памяти. Карусель сияющих звёзд и гирлянд, драгоценностей, ярких нарядов и маскарадных костюмов отражалась в высоких зеркалах и сливалась перед глазами в сплошную цветную массу. Эстель танцевала безупречно, не делая ни единой ошибки в сложных па, и даже не заметила, что музыки не слышно, что туман поглотил всё. Серый едкий туман.

А помнишь, как?..

Зал растворился, и Эстель вновь осталась одна. Опустила глаза и растерянно коснулась складок своего свадебного платья и атласных лент в цветах Флориендейла: сочно-зелёных, огненно-красных, серебристо-серых и лазурных. Пышные юбки тонули в тумане; словно пар, он струился вверх, заключая Эстель в огромную дымчатую чашу. Она в ловушке!

Вдруг кто-то тронул её за талию. Эстель крутанулась на месте, чуть не наворачнувшись на каблуках, но облегчённо выдохнула, увидев Николаса. Она зря переживала: он пришёл, всё хорошо. Волнительно – её колени дрожали, – но как же хорошо! Николас скользнул колючим поцелуем по щеке Эстель и шепнул несколько слов. Она не расслышала, однако всё равно кивнула, словно сама уже не управляла своим телом.

Они двинулись вперёд. Шаг, ещё шаг, стена тумана приближалась. Ещё один шаг... Эстель замерла, не решаясь прикоснуться к зыбкой субстанции, но Николас не остановился. И вдруг, выпустив её руку из своей, он пропал в клубящемся тумане. Эстель вскрикнула и бросилась следом – отважно шагнула сквозь серую пелену. Горячий воздух тут же обжёт лицо.

А помнишь?

---

¹ Проклятие памяти (*пер. с лат.*) – форма наказания, применявшегося к государственным преступникам в Древнем Риме (Поверхностный мир). Заключалась в полном уничтожении любой памяти о преступнике.

– Я помню... – выдавила Эстель и закашлялась.

Какофония звуков разорвала тишину: над городом разливался тревожный колокольный звон, и за окнами кричали люди.

– Просыпайтесь, миледи! Ну же, миледи!

– Ангел, только не это... – простонала Эстель, приходя в себя.

Это был лишь очередной сон. Сладкое, глупое наваждение! Теперь призрачное одеяло дрёмы спало, оставив Эстель без защиты. Она приподнялась на локтях и с удивлением отметила, что комнату заволокло туманом, совсем как во сне. И лишь глубоко вдохнув и снова закашлявшись, сообразила наконец, что это дым: он просачивался сквозь разбитые окна и поднимался к высоким потолкам. В свете лампы, которую держала горничная, осколки стёкол блестя на шёлковом ковре, словно огромные капли росы. Марша стояла у кровати и робко терла Эстель за плечо. Её обычно аккуратная причёска растрепалась, а щёки покраснелись.

– Вставайте же скорее! Нужно уходить, тут нечем дышать.

– Что... случилось?

– В саду упала бомба, миледи!

Эстель судорожно глотнула воздух, села на постели и на мгновение приложила ладонь к животу. Сморщилась от ядовитого запаха гари.

– Марша, скажи мне, что никто не пострадал, – голос Эстель дрогнул. – Где Альфа Камила, как?..

– Я ничего не знаю, сразу вас будить побежала, когда услышала взрыв. А за окном – треск, пламя! Летний домик – в щепки, прямо под вашими окнами! Жуть как страшно! Но Далет Осцельс справился, погасил огонь. Я сама видела, как он...

Марша взмахнула руками и сжала губы в ниточку, изображая магистра воды за работой.

Слава Ангелу! Если Далет появился так скоро, значит, и с другими магистрами, и с мамой всё должно быть в порядке.

* * *

– Куда мы идём? – спросила Эстель, когда они миновали ещё один коридор и спустились на два этажа. Она вдруг почувствовала себя бесконечно усталой, захотелось присесть, отдохнуть хотя бы минуту. Но эту минуту она не могла себе позволить.

– В домашнюю гостиную. Альфа Камила созвала... совет.

– *Военный* совет, – глухо произнесла Эстель слово, которое Марша намеренно упустила.

«Вой-на», – проговорила Эстель про себя медленно, по слогам. Она слышала: если одно и то же слово сказать много раз подряд, оно станет звучать комично и непривычно для уха, словно потеряет свой смысл. Но попробуйте повторить этот трюк с «вой ной»! Как ни крути, вой на – это страх. Разлитый по жилам стылый ужас, парализующий душу, без шанса на исцеление. Это смерть, которая забирает всех подряд. Эстель уже потеряла на этой вой не отца, и лишь одному Ангелу ведомо, через что ещё им предстоит пройти.

Эстель говорила «вой на», и измученное подсознание рисовало ей Роттера: в красных перчатках, с неподвижным, будто маска, лицом и густыми бровями, скрывающими фанатичный блеск глаз. Он был началом и концом этой войны. Чужестранец из Поверхностного мира, Роттер как проклятие свалился на Флориендейл, чтобы его уничтожить.

В последнее время тонкая грань между мирами рвалась всё чаще. Эстель помнила, как раньше, в её детстве, пространственные дыры возникали раз в год или даже в два. Потом случаи участились: дыра в Ельне, три – на берегу Тёплого моря, и всё это – за одну неделю. Дыры нельзя было закрыть, и успокоить людей, попавших в королевство через эти прорехи, тоже не получалось. Большинство хотело просто вернуться домой, но это было невозможно.

Никто не знал, как бороться с неожиданной напастью, пока Роттер не привёл в их мир Эдгара Линчева. Линчев, гениальный учёный с Поверхности, придумал устройство, которое укрепило и расширило дыры, превратив их в стабильные переходы. Теперь между мирами можно было путешествовать в обе стороны. Тайна раскрылась, Флориендейл перестал быть волшебным, тайным местом. Но Эстель решила: ну и пусть! Если это цена за порядок, который снова воцарится в её стране, когда чужаки исчезнут, она готова...

Однако Роттер и Линчев не торопились возвращаться на Поверхность. Вместо этого они захотели создать в Новом мире собственное государство, свободное от несовершенств Земли второй половины двадцать первого века. То, что мир вовсе не новый, что в нём уже существует Флориендейл со своими традициями, их не интересовало.

– Чтобы построить новое, мне придётся разрушить старое. Ничего личного, ваше величество, – сказал Роттер Эстель во время их первой и единственной встречи.

Эстель начинала задыхаться всякий раз, когда вспоминала, как согласилась на переговоры – «дебаты» – с Роттером. Её усадили в жёсткое кресло, и Роттер буравил Эстель тяжёлым взглядом всё время, пока ведущий задавал ей каверзные вопросы.

Под светом установленных у сцены прожекторов Эстель тут же взмокла в тяжёлом платье со шлейфом, которое оказалось не самым подходящим нарядом. А ведь она так долго и тщательно готовилась! «Как вы думаете, почему люди устали от королевской власти во Флориендейле?», «Чем вы можете объяснить тот факт, что стихийные народы, как вы их называете, не живут вместе с людьми? Некоторые источники утверждают, что это крайне опасные существа!» – нет, Эстель не могла отвечать на такие гнусные оскорбления и инсинуации! Ведущий продолжал сыпать выдуманными фактами, пока не вмешался Роттер.

Эстель до сих пор не простила себе тот искренний всплеск радости: она было решила, что Роттер опровергает сказанное ведущим. Однако слово за слово, и он выставил королеву дурой и втоптал её страну в грязь, но так элегантно и вежливо, что Эстель даже не заметила, как это произошло. Роттер знал, что по бедил. Закинув ногу на ногу, мерзавец флегматично поглаживал рукой обивку кресла и улыбался.

На следующий день, читая заголовки газет и телеграммы, Эстель едва могла разобрать буквы – слёзы застилали глаза. В тот момент ей казалось, что она совершенно не знает своей страны. Магистрам с большим трудом удалось убедить её, что слова Роттера – ложь. И когда Эстель обнаружила, что ждёт ребёнка, советники на всякий случай оградили её от общения с мятежниками.

Королева перестала посещать большую часть совещаний, и все заботы по защите Флориендейла взял на себя Первый магистр Эдриан, старый друг её матери. В прошлом он часто возился с маленькой Эстель, и теперь она то и дело возвращалась к этим моментам во снах.

Она много спала. Бороться с сонным состоянием Эстель не могла, а может, и не хотела. Там её ждал мир света и любви, мягкая патока детских воспоминаний, когда все, даже чужаки из Поверхностного мира, были счастливы жить в этой стране – такой, какая она есть, без демократии, парламента и телевидения. В её Флориендейле, где покой бирюзового неба не нарушал шум летающих машин, а силы воздуха, огня, воды и земли питались от магии, данной миру Ангелом тысячи лет назад.

– Проходите, ваше величество, – Марша вырвала Эстель из горьких размышлений, распахнув перед ней дверь. Эстель узнала гостиную, куда не заглядывала уже несколько месяцев. – Кажется, ждут только вас.

– Обычно меня не ждут, – глухо отозвалась Эстель и шагнула в комнату, навстречу резкому запаху гари с привкусом дурных новостей.

β

Альфа Камила заранее почувствовала, что королева сейчас войдёт в гостиную: словно подул лёгкий морской бриз. Это мягкая сила Эстель заставляла воздух колебаться и вибрировать. Камила взглянула на коллег. Они подобрались, выпрямились: Бета Анна Магдалена отложила в сторону письмо, которое со средоточенно читала, почти уткнувшись в него носом; Гимель Лукос пригладил спутанные кудрявые волосы; Далет Осцельс поспешно вскочил, постоял несколько секунд, не отрывая глаз от двери, и снова сел. Все магистры стихий так или иначе чувствовали энергию королевы – так же, как она чувствовала их. Величайшая загадка и величайший дар Ангела, оказавшийся теперь под угрозой.

Дверь приоткрылась, и горничная отступила в сторону, пропуская испуганную Эстель. Королева закуталась в тёплую шаль, наброшенную поверх шёлкового халата, русые волосы разметались по плечам. Концы шали едва прикрывали внушительный живот – ещё несколько недель, и на свет появится её первенец, принц или принцесса Флориендейла. Альфа Камила отвела взгляд. Ей не нравились события сегодняшней ночи. Если так пойдёт дальше, наследник уже не увидит своего королевства. И как быть с незащищённым ребёнком в этом безумном мире?

Эстель никогда не была копией своей матери, хотя в ней угадывались и складная фигура, и ясные глаза Венды Амейн. Но Венда была изящнее, задорнее, и всё в ней казалось ярче, чем в Эстель, – дочери не досталось ни капли ее очаровательной беспечности. С каждым годом юная королева всё сильнее напоминала отца, и в эту минуту, при слабом свете лампы, она была невероятно на него похожа. Тем лучше: Альфа Камила не жаловала мать Эстель. Стоило ей взглянуть на Венду, как в душе поднимался ураган. Венды всегда было слишком много и слишком мало одновременно. Будучи королевой, она часто отлучалась из Флоры, пропадала неизвестно где вместе с мужем, рисковала жизнью – и её отсутствие в замке ощущалось остро, особенно для маленькой Эстель. Камила предполагала, что появление новых пространственных дыр было связано с географическими открытиями Венды. В самом деле, чем дальше продвигалась Венда, заполняя пробелы на картах, тем больше чужаков из Поверхностного мира попадало на их земли. «*Natura abhorret vacuum*», – думала Камила. Природа не терпит пустоты.

И Флориендейл зачах без своей королевы. Потому стоило Эстель отпраздновать второе совершеннолетие, как Венда тут же передала корону дочери, хотя Камила была против. А затем появился Ротгер, и незаметно для всех, шаг за шагом, день за днём, начался *Передел* – так Альфа Камила называла происходящее. Эстель говорила «гражданская вой на», Венда – «захват власти», но это был именно Передел, означавший раздел и перекрой мира совсем не в интересах Флориендейла.

* * *

Аристарх Фендоу, магистр доходов и расходов, вздрогнул, когда увидел Эстель в слабом свете масляных свечей – электрические лампы не зажглись после ночной бомбёжки. Безукоризненный джентльмен, он поспешил ей навстречу, проводил к столу и помог опуститься в массивное кресло. Это кресло всегда оставляли пустым на случай, если королева сможет к ним присоединиться, хотя в последние месяцы никто уже на это не рассчитывал.

Совет магистров собрался этой ночью не в полном составе. Магистры стихий – Альфа, Бета, Гимель и Далет – обороняли Флориендейл, почти не смыкая глаз. Они же и созвали это чрезвычайное совещание. Аристарх прибежал, прихрамывая, в одном фиолетовом халате и тапочках. Магистр информации Аврора явилась полностью одетой и захватила свой главный артефакт – Атлас всех времён Флориендейла. Девушка вцепилась в его тёмно-синюю обложку, как падающий с обрыва хватается за корни на краю уступа; она хмурилась, кусала губы и то и

дело неуверенно поглядывала на свободные стулья по другую сторону стола. Первый магистр Эдриан и король Николас не могли присутствовать: они находились в Алилуте по поручению совета. Юная Ляля Бимбикен, замещающая погибшего магистра правосудия, славилась отменной дисциплиной, но почему-то и Ляли до сих пор не было на месте. По правую руку от Авроры раньше сидела магистр благосостояния, но её схватили на прошлой неделе. Наконец, отсутствовала Венда Амейн: посланная за ней служанка вернулась перепуганная и сообщила, что королевы-на-покое нигде нет.

– Как же это?! И где Бимбикен? – не выдержала Аврора.

Альфа Камила прикрыла глаза и глубоко вдохнула. «Пожалуйста, – взмолилась она, – пожалуйста, позволь мне...» И после небольшого промедления воздух уступил – наполнил лёгкие чем-то бóльшим, чем простой кислород, и у Альфы закружилась голова, когда среди миллионов тончайших колебаний она различила шёпот листвы и шорох гравия на дорожках.

– Её высочество сейчас в парке, – сказала она горничной. – Прошу, найди её и передай, где мы.

– А Бимбикен не придёт, она... э-э... в отъезде, – заметил магистр земли Гимель Лукос. Он помедлил несколько секунд, прежде чем продолжить: – Эдриан отослал её к западным рубежам.

Брови Аристарха поползли вверх.

– К западным рубежам? В единственное место, где всё спокойно?

– Значит, дни королевства сочтены, – проронила Эстель, до этого молча сидевшая в кресле. Она вскинула голову и принялась разглядывать узор на потолке, вероятно, пытаясь сдержать слёзы. – Мы проигрываем... Для Бимбикен это шанс скрыться.

– Зачем? Чтобы возглавить какое-то новое сопротивление? – басом прогудел магистр воды Далет Осцельс. Он сидел хмурый и вертел в руках сине-зелёный браслет из полупрозрачных камней и ракушек. Глаза скрывали очки в толстой оправе, казавшиеся слишком большими и тяжёлыми на осунувшемся лице.

Альфа Камила устало уронила морщинистую руку на карту.

– Какое сопротивление, Осцельс? Погляди на сил расстановку. Просто хочется, чтобы жила девочка. Хорошая девочка Бимбикен.

– Вероятно, мы все погибнем, – кивнул Аристарх. – Но Ляля – не магистр. Она не должна.

Аврора трясущимися руками подняла кувшин, собираясь разлить воду по стаканам, но жидкость зашипела, вспенилась и выплеснулась через край.

– Успокойся, Далет, – сказала Бета, покосившись на Осцельса. – Что с тобой, чаю захотелось?

Магистр воды шарахнул кулаком по столу.

– Я не понимаю, – выпалил он, – не понимаю, сколько можно... И зачем им Флориендейл?! Если нужно здесь всё сломать, прежде чем строить новое, не проще ли убраться восвояси?

– Многие вернулись, – осторожно возразила Аврора. – Особенно тогда, когда всё только начиналось. Вы должны помнить.

Осцельс передёрнул плечами.

– Мы обязаны остановить этот мятеж, чтобы они не сделали с нашим миром то же, что и с Поверхностью, – глухо сказал он.

Все кивнули, но никто не ответил.

– Мы обязаны остановить... хм... мятеж, вот только мы не в силах этого сделать, – нарушил тишину Гимель Лукос. Он запустил руки в каштановые кудри, как делал всегда, когда должен был сообщить что-то неприятное – а в последнее время случалось это достаточно часто. – Не знаю, почему об этом молчат сейчас другие стихийники, но... магия покидает нас.

Слова были сказаны. Альфа и Бета переглянулись. Наконец-то они подошли к сути проблемы.

– Эстель, очень серьёзно это. – Камила приложила сухую ладонь ко лбу, проверяя, нет ли у неё жара. Как же сложно иногда складывать слова в предложения!.. – Вчера весь день слабела стихии сила, и ночью не смогла полностью обеспечить защиту города с воздуха я. Мне жаль, но упала в наш сад одна бомба, и на окраине Флоры, у вокзала, взорвались ещё два снаряда.

– Но нет, подождите... Марша сказала, что Далет потушил пожар, а значит...

– Ох, я помогала Осцельсу один он бы не справился, – поспешила вмешаться магистр огня. – Я сдерживала пламя, а Осцельс направлял воду, только так мы смогли быстро покончить с этим, прежде чем пожар охватил беседки и основное здание. Боюсь даже представить, каково пришлось тебе, Камила! Упустить всего три бомбы... – Она слегка улыбнулась Альфе, восхищённо и сочувственно одновременно.

– *Цельх* три бомбы, – голос Альфы дрогнул. – Эстель... знаете, самое ужасное в этой ситуации что? Не понимаем причины, по которой так стремительно пошла на спад стихий сила.

Эстель устала на магистров стихий. Альфа и Гимель встретили её взгляд, Далет рассматривал свой браслет, Бета массировала виски, закрыв глаза.

– Атлас, – вдруг сказала Аврора странным, как будто вмиг охрипшим голосом. – Так вот в чём... Атлас всех времён стирается без этой силы. Поглядите!

Девушка торопливо раскрыла толстую книгу на произвольной странице – лишь для того, чтобы все увидели, как с бледно-серого пергамента одна за другой выцветают буквы. Не прошло и полминуты, как страница совершенно опустела и словно бы потемнела. Альфа произвольно протянула руку в сторону Атласа и замерла...

Атлас всех времён был неотъемлемой частью Флориендейла, реликвией, передававшейся в королевской семье из поколения в поколение. В балладах, картинках и притчах он делился мудростью; рассказывал о событиях из прошлого, если считал это уместным; предупреждал об опасностях; объяснял, как устроен мир. Но теперь пепельно-серые страницы молчали. Аврора перевернула несколько листов, и все присутствующие снова заворожённо наблюдали, как чернила исчезают в небытие – туда же, откуда появились.

– Вчера вечером... – начала Аврора, но осеклась. Дверь скрипнула, отворяясь. На пороге стояла королева-на-покое Венда Амейн.

У

Аврора мигом забыла, что хотела сказать. Госпожа Венда опиралась о дверной косяк и с видимым усилием держалась на ногах. Они все в последнее время сдали, и Венда не была исключением, но даже после гибели мужа горделивая осанка и звучный голос оставались при ней. Сейчас же королева вся как-то сторбилась, съёжилась. Глубокие морщины стали как никогда заметны на постаревшем лице. Выцветшими глазами она не отрывно смотрела на Альфу Камилу Аристарх с неожиданным для грузного пятидесятилетнего мужчины проворством вскочил и подхватил Венду под руку. Она прошептала что-то, почти не разжимая потрескавшихся губ.

– Простите, госпожа Венда, повторите-ка? – ласково проговорил Аристарх.

– Сообщить семье... – разобрала Аврора, – надо... его дети...

Аристарх обеспокоенно оглянулся на Эстель.

– Чьей семье? – в один голос спросили Эстель и Аврора.

– Прошу вас, присядьте. – Аристарх ненавязчиво по тянул Венду к столу, но она запротестовала. На настоящее сопротивление у неё, по-видимому, не было сил, но даже слабая попытка остановила Аристарха, который не смел действовать против её воли.

– Нет! – прошептала Венда. – Я не могу... это всё из-за меня... всё из-за меня!

Аврора, кажется, поняла, о ком речь, хотя суть произошедшего по-прежнему от неё ускользала. Она с усилием оторвала взгляд от бледного лица королевы-на-покое и заметила в её трясущихся пальцах мятый листок бумаги.

– Аристарх, – тихо сказала Аврора, – письмо...

Он кивнул и попытался мягко высвободить листок из железной хватки Венды. Она позволила ему и вдруг, освободившись от письма, словно воспрянула духом: распрямила плечи, развернулась и, пошатываясь, направилась прочь из гостиной.

– Продолжайте без меня! – бросила магистр огня и поспешила вслед за Вендой.

Оставшиеся в гостиной напряжённо глядели на Аристарха. Глубокая складка пролегла у него на лбу. Письмо, по-видимому, было совсем коротким. Скорее даже не письмо, а записка, потому что Аристарху понадобилось лишь несколько секунд, чтобы пробежать текст глазами дважды, после чего он швырнул клочок бумаги на стол и с тяжёлым вздохом опустился на своё место.

– Боюсь, друзья, мне нечем... – его голос дрогнул. – Эдриан убит. Погиб от взрыва на вокзале.

Тишина. Альфа Камила спрянула лицо в ладонях. Эстель замерла, вцепившись руками в стол.

– Это была не случайная бомбардировка, – ещё больше помрачнел Далет Осцельс. – Аристарх, а про Нико что пишут?

Магистр доходов и расходов опустил голову.

– Его высочество тяжело ранен. С ним лекари, но... пока неизвестно. Он...

– Замолчите! – воскликнула Аврора.

Она по-прежнему смотрела на Эстель. Со стороны королева казалась застывшей статуэткой, но выражение её лица едва заметно менялось каждую секунду: потрясение, боль, страх, надежда, отчаяние, ужас. Она совсем побелела после последних слов Аристарха и покачнулась в кресле.

Прошло несколько мгновений, прежде чем магистры осознали, что она потеряла сознание. Эстель соскользнула на пол.

– В лекарскую! – скомандовал Гимель.

Он топнул ногой, и пол отозвался едва заметной вибрацией. Аврора догадалась, что магистр земли предупреждает кого-то, наверное врачей, – она сама не раз получала от него вести таким образом. Далет помог Гимелю поднять бесчувственную королеву, и вместе они вынесли её в холл. Когда их голоса затихли, Аристарх неловко встал с кресла. Он сгрёб со стола проклятую записку, сказал, что разыщет госпожу Венду и Бету, и удалился, оставив Аврору наедине с Альфой Камиллой.

Аврора, впрочем, даже не заметила, что Камила не ушла вместе с остальными. Магистр воздуха продолжала сидеть без движения, спрятав лицо в ладонях. Серебристая, в цвет воздуха, шаль укрывала её полные плечи, и Камила сливалась со стенами пастельных тонов, словно была предметом обстановки. Аврора, задумавшись, совсем о ней позабыла.

Авроре впервые было по-настоящему страшно. С тех пор как она пересекла невидимую границу между Поверхностным и Новым миром, дела в королевстве шли хуже и хуже, но Аврора никогда не теряла веру в то, что однажды всё наладится. В этом удивительном месте жили удивительные люди, они открыли для неё совершенно иные перспективы. Здесь она наконец поняла, что значит быть счастливой. Флориендейл не заслужил того, что с ним собирались сделать чужаки из её мира.

Опустив глаза, Аврора с любовью погладила жёсткий корешок Атласа. Книги... Они проводили её в путь в тот день, когда она случайно, как и многие другие, шагнула из Поверхностного в Новый мир и оказалась на незнакомой набережной, хотя всего несколько мгновений назад стояла в библиотеке в Тюбингене. В руках у неё так и осталось старое издание «Потерян-

ного Климта» Валя и Краммера. Аврора обернулась, но за спиной не оказалось двери, через которую можно вернуться обратно. Ни норы, ни зеркала, ни атмосферных аномалий, свидетельствующих о том, что только что здесь существовал проход прямо в центр Европы. Нет, за спиной был только старый город с синими крышами. Как Аврора потом объяснила Эстель, именно синие крыши и небо странного бирюзового оттенка подсказали ей тогда, что она оказалась очень, очень далеко от своего университета.

Аврора обожала Флориендейл. Она исследовала его с присущей ей страстью искусствоведа. Другая религия, культура, история – всё было необычно, и она с наслаждением открывала для себя новую страницу каждый день. Многие мигранты, ярые сторонники Линчева и Роттера, утверждали, что королевство их не принимает, но Аврора знала: это не так. Королева Эстель протянула им обе руки – бери не хочю! Аврору даже избрали магистром, и никто не посмотрел на то, что она чужестранка с Земли.

Беспорядки начались неожиданно и застали магистров врасплох. Тогда, ещё в самом начале, когда всё казалось ошибкой, недоразумением, временным испытанием, был убит отец Эстель. За один день госпожа Венда совершенно переменилась и с тех пор ни разу не улыбнулась, даже когда узнала, что её дочь ждёт ребёнка.

Затем случился провокационный марш в Ориентале: снова погибли люди, но на этот раз полиции удалось схватить зачинщиков. Магистр правосудия приговорил их к пожизненному заключению и на следующий же день, возвращаясь домой, был убит неизвестными.

Последние иллюзии магистров развеялись. Ни Эстель, ни Венда не могли больше вести дела и задавать курс, и страна, словно гигантский корабль, дрейфовала к закату. Как всегда, магистр Эдриан принял командование на себя и встал у руля. И вот теперь его нет... и корабль идёт ко дну. Когда такой финал стал неизбежным? Неужели только сегодня, когда магистры признали, что магия покидает Флориендейл, когда Эдриан погиб, а короля опасно ранило, когда Атлас отказался делиться своей мудростью? А может, когда чужаки из Поверхностного мира вышли на улицы Ориентала, требуя созыва парламента? Аврора покачала головой. Она догадывалась, что началось это не сегодня и не вчера, а уже довольно давно: когда Эдгар Линчев, биофизик с Земли, распознал свойства пространственных дыр; когда он научился контролировать их и превратил нестабильные прорехи в надёжные, постоянно действующие коридоры между мирами. Это и было началом конца.

Аврора провела здесь пять лет, и за это время сам Флориендейл ничуть не изменился. Из окна она видела всё те же синие крыши под бирюзовым небом, что и в первый день, солнце всё так же восходило на востоке, внезапно выглядывая из-за зеркального Занавеса. Законы мироздания, казалось, остались прежними, хотя магистры стихий знали, что это впечатление обманчиво. Но люди! Люди страдали, и вместе с ними страдали стихийные народы воды, воздуха, земли и огня, вынужденные скрываться, чтобы не попасть в руки террористов.

Альфа Камила шевельнулась в кресле. Аврора вздрогнула и рассеянно взглянула на неё.
– Давай поговорим снаружи, – неожиданно спокойно сказала та.

* * *

Они спустились в сад. Весна в этом году пришла поздно; солнце уже поднялось и позолотило кроны деревьев, но в парке всё ещё было прохладно и сыро. Альфа Камила взяла Аврору под руку – старомодный жест доверия.

По широкой аллее они молча миновали укутанные в вечнозелёный плющ старые беседки и пустую чашу фонтана, на дне которой блестели изумрудные монетки, и вышли на открытую площадку у озера. Сильный ветер тут же спутал волосы Авроры, и, пока она их поправляла, Альфа Камила стояла у балюстрады, закрыв глаза, раскинув руки, обнимая воздух.

– Что вы чувствуете? – спросила Аврора, так и не дождавшись, когда Альфа нарушит молчание.

– Печаль, – помедлив, отозвалась Камила. – Боюсь, что сегодня прощается со мной воздух.

– Но почему? Вы знаете, в чём причина?

Камила покачала головой.

– Не может быть! – воскликнула Аврора. – Должны быть какие-то догадки, ведь вы... Альфа Камила, вы магистр!

– Знать и догадываться – разные вещи, Аврора. – Альфа обернулась и натянуто улыбнулась. – Ведь догадываешься о чём-то и сама ты. Скажи, что тебе в голову приходит первое, почему исчезает магия?

Аврора поколебалась, прежде чем ответить. Да, конечно, она об этом думала. Те несколько часов, проведённых над выцветающими страницами Атласа, она просто не могла думать ни о чём другом!

– Это может быть связано с соотношением людей во Флориендейле, которые верят в волшебство и не верят. Я так решила: чем больше чужаков из моего мира, которые не хотят интегрироваться, тем слабее магия... Нет?

– Важная твоей теории часть – вера. И, может быть, права ты. Если хочешь знать, от тебя недалеко ушла я в своих догадках. Думается, что решающее значение имеет королевы вера. – Альфа Камила сложила правую ладонь в привычном стихийном жесте: четыре пальца плотно сжаты, большой лежит поверх. – Королева – наша сила, наш пятый элемент. Держит всё вместе: и нас, и стихии, и магию. Кроме неё, не может этого никто. *Jus sanguinis*... право крови.

– Что же, Эстель больше не верит во Флориендейл? – напряжённо спросила Аврора, крепче сжимая синий Атлас, как будто её собственная вера в эту книгу могла компенсировать недостаток веры со стороны королевы.

– Слаба и измучена Эстель. Прежде всего, не верит сама в себя она. А хуже всего именно это.

Аврора обернулась и посмотрела на замок – запутанный ансамбль белокаменных строений, то взмывающих в небо, то одноэтажных, с разбитыми на крышах садами. Тут и там виднелись башенки с синей черепицей, ярко сверкали золотые шпили. Над самой высокой из башен развевался флаг Флориендейла – полоса моря, полоса земли, огненное солнце встаёт из-за горизонта, а на небе – россыпь звёзд. Где-то там, в одной из комнат замка, Эстель уже, наверное, привели в чувство. Она потеряла почти всех родных, лишилась контроля над государством и скоро должна была принести в этот опасный, безрадостный мир ребёнка. Нет! Аврора погладила корешок Атласа. Пока у Эстель есть её магистры, она не одна. Они помогут ей найти выход, это их долг!

– Как нам всё исправить, как заставить её поверить в свои силы? Неужели она не понимает, что могла бы... – начала Аврора.

– Сомневаюсь. В таком отчаянии Эстель... К тому же лишь теория это. – Камила помолчала и пожевала губами.

– Но?... – вырвалось у Авроры. Потому что здесь должно было прозвучать «но», оно буквально повисло в воздухе.

Тонкие губы Альфы дрогнули и едва не растянулись в улыбку.

– Но у меня есть план, и потому прошу твоей помощи, Аврора. С Поверхностного мира ты – знаю, там живут людей миллиарды. Хотела бы я, чтобы забрала у Эстель младенца после рождения ты и скрыла его на Поверхности, а взамен принесла другого ребёнка, похожего на Эстель.

Авроре понадобилось несколько секунд, чтобы осознать, что именно хочет от неё Альфа. От неожиданности она чуть не выронила Атлас. Ничего себе план! Понимала ли Альфа, какой путь им – ей и малышу – предстоит проделать, сколько времени им понадобится?

– Это должна сделать я, потому что вы не пройдёте пограничный контроль, – медленно проговорила она. – Вы не сможете уйти с ребёнком и не сможете вернуться, да и на Земле не разберётесь, что к чему.

– Верно, – согласилась Альфа Камила. – Зачем, понимаешь сама?

– Вы хотите, чтобы он поверил? Ребёнок? – прошептала Аврора, и Альфа медленно кивнула. – *Jus sanguinis*, единственный наследник! Но когда это будет? И кто позаботится о нём на Поверхности?

Альфа Камила медленно склонилась к земле и провела морщинистыми пальцами по лепесткам выглядывающего из-под скамейки хрупкого цветка. Аврора не знала его названия, хотя постоянно видела эти мелкие жёлтые цветочки в садах Флоры. Они росли в тени, росли на солнце, не боялись ни дождя, ни града и замечательно пахли. Это был всего лишь запах травы, но такой яркий, такой запоминающийся, что невозможно было представить без него прогулку по весеннему парку.

– Не знаю, – наконец сказала Альфа Камила, – однако наследника нужно спасти. Да поможет нам Ангел.

Воздух звенел от напряжения.

δ

Девочка снова плакала. Эстель едва заставила себя сесть в постели. Выбралась из-под тонкого одеяла – всё равно от него никакого толку, – зажгла лампу и склонилась над колыбелью. Два блестящих глаза глядели на неё снизу вверх. После секундной передышки ребёнок вновь зашёлся криком. Эстель поставила лампу на тумбу, обречённо опустила на грубый деревянный пол у кровати и тоже заплакала.

Она могла бы долго так сидеть, если бы сквозняк не пронзал колючим холодом до самых костей. Эстель поднялась, сжав зубы, взяла беспокойную девочку на руки и приложила к груди. Маленькая Вероника продолжала кричать, хватаясь ручками за шею матери; слёзы текли по пылающим щекам младенца. Но Эстель не оставалось ничего иного, кроме как пытаться убаюкать её песнями и уговорами, как она делала вчера, и за день до этого, и за два дня. Она не знала, как облегчить страдания ребёнка, а спросить было некого.

За грязным окном бушевало море, прозрачная белая пена вздувалась на тёмных гребешках волн. Снега не было – так далеко на юге он не выпадал, – но и без него становилось ясно: пришла зима. Рыбацкая лачуга под скалой сотрясалась от порывов безжалостного ветра. Он жадно трепал ставни, рвался в дверь, зловеще завывал в трубе. Эстель поёжилась и только теперь заметила, что маленький костерок в печи снова погас. У неё почти не осталось ни дров, ни еды. Когда же придёт следующая посылка? Сколько ещё им оставаться здесь?

Вероника постоянно кричала и привлекала внимание. Из-за неё им пришлось одну за другой сменить несколько деревень, пока Альфа Камила не отыскала для Эстель эту хижину на краю земли. Казалось, никого не интересовал пустынный каменистый берег Тёплого моря, и солдат Линчева и Роттера не было поблизости. Здесь Эстель с Вероникой временно находились в безопасности, но одиночество, отсутствие известий о семье и ситуации в стране и изнуряющий плач ребёнка измучили Эстель сильнее, чем постоянные перемены места.

Она пригладила волосики на голове девочки, крепко прижала её к себе и тихо запела:

Небо склонилось над головою,
Я засыпаю рядом с тобою,

Звёзды сияют для нас...
Чистое небо, добрые звёзды,
Ночь опустилась, так уже поздно,
Не открывай глаз.
Песенки эльфов, звук колокольцев
Если услышишь, спи и не бойся –
Воздух тебе в друзья.
Жар саламандры если почувешь,
Спи и не бойся, искру задуеть –
Огонь тебе в друзья.
И не пугайся во тьме шуршанья,
Гномы играют так с малышами –
Земля тебе в друзья.
Спи и не бойся, если русалки
Зовут тебя в прятки играть и салки, –
Вода тебе в друзья...
Ласковой ночи, спокойной ночи,
Спи, моя радость, малютка-дочка,
Ангел укроет нас,
Не открывай глаз.

Но всё было бесполезно: младенец продолжал хныкать. Эстель терпеливо допела колыбельную и успела снова развести огонь в печке, когда Вероника вдруг затихла. Лишь тогда Эстель различила среди шёпота морских волн резкие окрики и топот. Она торопливо подошла к пыльному оконцу и прильнула лбом к ледяному стеклу.

Туманную тьму прорезали яркие лучи фонарей, подсветившие берег и воду. Неясные тени бродили всего в нескольких метрах от хижины. О, она знала, кто это!

«Бежать!» – подумала Эстель.

Но... ей не хотелось бежать. Да и что они могли сделать ей теперь, когда у неё и так уже ничего не осталось? Она не королева, не Эстель Амейн. Флориендейл погиб, и это она погубила его!

Нет, бежать было поздно – и некуда. Её нигде не ждут. Эстель давно уже не получала новостей от матери и Альфы и почти не сомневалась, что Алилут, где они скрывались, пал, как прежде пали обе столицы. Тогда к чему эти бессмысленные прятки?

Дверь не распахнулась от удара ноги, как снилось иногда Эстель в тёмных кошмарах. Просто щёлкнул бесполезный замок, и солдаты в тёмном камуфляже тут же наводнили последнее убежище королевы. Один из них вёл перед собой молодую женщину: её тёмные косы растрепались, лицо было в ссадинах, одежда разорвана. Грязные ноги кровоточили: её заставили идти босиком по острым камням.

– Аврора! – воскликнула Эстель.

– Я пыталась... – заговорила магистр, но солдат дёрнул её за связанные запястья, заставляя замолчать.

Они расступились, пропуская вперёд своего командира. Он был в таком же камуфляже, только неизменные перчатки ярким пятном выделялись на тёмном фоне. А лицо... В общем-то обычное: глубоко посаженные насмешливые глаза, тонкий прямой нос, слишком полные для мужчины губы. Не оно внушало Эстель ужас, а то, что скрывалось за ним, – злая душа и сладкие, насквозь лживые речи, которые он источал медленно, словно яд, смакуя каждое слово.

Роттер протянул к ней руки в перчатках и замер. Эстель уставилась на красные пальцы и почти перестала дышать.

– Дай, – потребовал он.

Эстель парализовало от страха: она совершенно не понимала, чего он от неё хочет. Один из солдат шагнул к ней, но Роттер жестом остановил его.

– Дай мне ребёнка.

Эстель вздрогнула, метнулась в сторону, но бежать было некуда. Некуда!

Тогда она развернулась к Роттеру спиной, бросилась на пол и зажала уши. Сейчас, сейчас они выстрелят... Почему они не стреляют?!

– Мы не убьём вас, – сказал кто-то.

– Вы... нет?! – вырвалось у Авроры.

Эстель услышала, как магистр вскрикнула от последовавшего удара.

– Ты наша пленница, Эстель, ты и твой ребёнок, – спокойно подтвердил голос Роттера. – Да, это правда, мы не собираемся вас убивать. Всего лишь арестуем. Впрочем, молочных рек и кисельных берегов не обещаю. Скоро сама станешь умолять, чтобы это кончилось. А мы? Не знаю, может быть, тогда мы прекратим твои мучения, а может, и нет.

– За что вы нас так ненавидите? – глухо спросила Эстель. Роттер усмехнулся.

– Ненависть? Что ты! Тебя я не ненавижу, милая. Я был бы к тебе абсолютно безразличен, если бы ты не стояла у меня на пути. Впрочем, скоро так оно и будет.

Тихий стон Авроры напомнил Эстель о вопросе, который она одновременно жаждала и боялась задать.

– Да, – произнёс Роттер, будто поймав её мысль в воздухе, – твои друзья – их больше нет. Мы взяли Алилут, но они не захотели пасть передо мной на колени, вот как ты сейчас, так что пришлось их уничтожить. Всех.

Эстель, наверное, должна была отреагировать – но не смогла издать ни звука. В душе не осталось ни боли, ни страха, только абсолютная пустота, вакуум. На мгновение ей померещилось, что она уже не живёт, а смотрит на происходящее как бы со стороны, и собственная нелепая, скорчившаяся на полу фигура в серых тряпках поразила Эстель. Нет, это не может быть она!..

В детстве ей больше всего на свете хотелось поскорее стать королевой, чтобы принимать у себя гостей и путешествовать по городам и деревням. Эстель хотелось дарить подданным Флориендейла улыбки и помогать в решении даже самых мелких неурядиц. А какие платья она рисовала в своём воображении! И мечты сбылись, она получила всё: и платья, и гостей, и путешествия. И неурядицы... Как жаль, что Эстель тогда ещё не догадывалась – не всякую размовку можно разрешить улыбкой.

Куда подевалась та маленькая девочка, верившая в сказку? Сказка обернулась кошмаром, мечты рухнули и погребли под собой весь мир. Её страны больше нет, её семьи больше нет, и она должна с этим жить! И растить ребёнка, который ей чужой.

– А помнишь, как всё было раньше? – усмехнулся Роттер.

– Да... – почти беззвучно прошептала Эстель.

– Больше так не будет никогда.

Часть 1

α

Колокол в посёлке гулко ухнул – наверное, шесть утра. Лидия остановилась на секунду, натянула шапку на замёрзшие уши и оглянулась на пустую дорогу за спиной. Ни души, только вдали сверкают несколько огоньков. И кому не спится в такую рань? Ну, кроме неё, конечно.

Она хихикнула и побрела дальше, осторожно балансируя и иногда поскользываясь на льду. Эх, брат её по стенке размажет, если узнает, что она убежала в поле без старших девочек. Вообще-то Стафис запретил ей соваться туда одной и попросил Мари и Касси её сопровождать, что они и сделали накануне... Но всё зря! Они опоздали: солнце поднялось, лепестки ориенты съжились и сложились в плотные бутоны. Снова будить сестёр Клиндер затемно Лидия постеснялась, поэтому решила попытать удачи самостоятельно. В конце концов, не маленькая уже! А что брат сказал... Он же старший, ему положено за неё переживать и запрещать всякое.

– Ну вот и пришли наконец, – пробормотала Лидия, негнущимися пальцами складывая карту с размеченными секторами.

В Цветочном округе можно было найти цветы со всех концов Соединённой Федерации и даже из Поверхностного мира. Здесь их выращивали, собирали в букеты, сушили лепестки и листья, продавали в аптеки и на парфюмерные фабрики, варили нектары, мармелад и ещё всякое разное. Секторов было много, но Мари научила Лидию читать карту. И сейчас она замерла на границе между полем цветущей ориенты и большим участком под лиаверы, пока что пустым и перекопанным, как и большинство территорий Цветочного округа в конце зимы.

Ориента вовсе не была каким-то особенным цветком; ту же лиаверу ценили гораздо больше – за аромат, красоту и полезные свойства. И всё же Лидии нужна была именно ориента: она напоминала о маме, о севере. Склонившись над голубыми цветками, девочка отчётливо услышала в голове мелодию любимой колыбельной и хриплый мамин голос. Лидия улыбнулась и с нежностью потрогала жёсткие лепестки – сворачиваясь при первых солнечных лучах, они сохраняли холод в бутоне до следующей ночи. Достав ножик, Лидия аккуратно срезала сразу несколько цветков.

– А-а-а...

Лидия вздрогнула и чуть не порезалась. Цветы не могли издать такой звук, это был человеческий голос! Девочка медленно выпрямилась и прислушалась. Через минуту стон повторился.

Лидия осторожно подняла корзинку, готовая в любой момент пуститься бегом, и побрела вдоль дороги. В предрассветном застывшем полумраке каждый шорох и порыв ветра казались подозрительными. Неожиданно что-то шевельнулось на пустом участке поля, и девочка резко обернулась. Движение было в секторе лиавер! То, что Лидия поначалу приняла за кучу вскопанной земли, теперь, когда стало чуть-чуть светлее, приняло очертания человеческой фигуры.

– Из-звините? – выдавила Лидия. Было жутко, но в то же время любопытно, и она подошла ближе. Съежившись, на холодной земле лежала женщина с закрытыми глазами. – Эй! – позвала Лидия, осмелев. – Вы кто?

– Каждый должен... знать, – прохрипела женщина, – кто мы...

– Почему? – Лидия наклонилась ближе, но заметила кровь и отшатнулась.

– Иначе...

Лидия молча смотрела на женщину. Должно быть, та сильно ранена. Лидия однажды уже видела умирающего человека в больнице у брата и очень испугалась – глядеть не хотелось, но и отвернуться она не могла.

– Мне позвать на помощь? – прошептала Лидия, опускаясь на корточки.

– ...Всё бесполезно, – выдохнула женщина и, с усилием приподнявшись на локте, на мгновение коснулась щеки девочки.

Лидия завизжала: ладонь была холодная и липкая. Не сознавая от ужаса, что делает, Лидия вскочила и бросилась бежать – скорее прочь, в посёлок! Она падала на лёду и снова поднималась, лишь бы оказаться как можно дальше от этой смерти, и боли, и странных слов.

– У меня тоже... сестрёнка, как ты, – шептала женщина горячими губами, – и братик. Ты... увидишь...

Но Лидия была уже далеко.

* * *

Светало. Роза Клиндер деловито помешала ложкой кашу в кастрюле, вытерла руки о полотенце и полезла в чулан за банкой цветочного варенья детям к завтраку.

– Пора вставать! – крикнула она в сторону спальни, но, как это обыкновенно бывало, никто не отозвался.

Покачав головой, Роза зашла в комнату. Маленькое окно было занавешено яркой тряпкой, но и той толики света, что проникал сквозь эту импровизированную штору, хватало, чтобы осветить скудную обстановку: деревянную кровать и стеллаж, заменявший одёжный шкаф. На кровати, уткнувшись друг в друга коленками и локтями, с трудом уместились её дочери, двойняшки Мари и Кассандра. Одна из них продолжала сладко дремать, обняв свой уголок подушки, но другая уже открыла глаза и потягивалась. Роза пыталась убедить дочерей, что они уже слишком взрослые для узкой постели и будет лучше, если кто-то из них переберётся спать на веранду, но без толку. Мари и Касси не желали расставаться друг с другом даже на ночь.

Роза не успела повторить своё приглашение: в этот момент кто-то отчаянно забарабанил во входную дверь кулаками, и это подействовало на детей лучше любого будильника. Роза поспешила к крыльцу, а девочки вскочили с кровати и стали торопливо одеваться.

– Мама, кто там? – крикнула ей вслед Мари. – Надеюсь, у папы всё в порядке?

Отец девочек работал в Алилуте и месяцами не появлялся дома. Роза нахмурилась при этой мысли, но быстро расслабилась, когда увидела за окном маленькую подружку дочерей, сестрёнку Стафиса.

– Мари! – рыдающая Лидия проскочила мимо Розы, стоило только приоткрыть дверь, и бросилась в их комнату. – Касси! Скорее, скорее!

Больше она ничего не могла сказать. Лидия задыхалась, всхлипывала и цеплялась за руки сестёр. Кассандра налила ей стакан воды и всмотрелась в покрасневшее лицо.

– Чем это ты перемазалась? – Она коснулась бордового пятна на щеке девочки и попыталась оттереть его, но без особого успеха.

Мари заверила мать, что они отведут Лидию в больницу к Стафису и тут же вернуться, и девочки ушли. Роза с беспокойством смотрела им вслед, пока дети не скрылись из виду. На узкой улочке, припорошённой снегом, царили тишина и безмятежность. Соседи просыпались, ставили чайники, слушали радио; никто не заметил, как маленькая Лидия вихрем пронеслась через весь посёлок. И почему она просит помощи у её дочерей? Почему не у неё, взрослой женщины? Роза бросила взгляд на часы, захлопнула дверь и вернулась к плите. Незачем думать об этом – у неё и без детских истерик забот полон рот.

* * *

– Что ты натворила? – Брата Лидии не пришлось долго ждать. – На тебе лица нет!

Кассандра фыркнула. Кто бы говорил! Они вызвали Стафиса с ночного дежурства: он и сам выглядел так себе. Кассандра и Мари не хотели его беспокоить, но из сбивчивого рассказа Лидии выходило, что женщине в поле срочно нужен врач.

– Ещё раз, где вы её нашли? – поморщился Стафис. – Ангел! Надеюсь, я ослышался.

– В секторе лиавер, – повторила Мари. Она умолчала о том, что Лидия ходила на поле одна. – Стафис, мы догадываемся, что это значит, но Лидия...

– Да, конечно, – кивнул он. – Ох уж эти... ливьеры. Женщина ещё жива, да? Погодите две минуты, я отправлю людей ей на помощь, и пойдём домой. Моя смена закончилась.

Две минуты растянулись на полчаса, и, когда они наконец покинули больницу, уже совсем рассвело. Стафис молча шёл рядом с сестрёнкой, сжимая её руку. Мари и Кассандра брели следом. Мари достала заколку и пыталась на ходу причесаться, а Кассандра рассеянно пинала камни на дороге.

– Что ж, лиаверы. Красивые цветы, верно, Лидия? – Стафис начал издалека.

Они остановились у старого дома, который был даже меньше, чем дом Мари и Кассандры. Просто невероятно, как всё семейство Стафиса и Лидии умещалось там, когда собиралось вместе. Наверное, поэтому их отец и сестры предпочли уехать и работать за пределами посёлка. Или всё-таки дело в безработице?

– Лиаверы прекрасные! – отозвалась девочка. – Но ориентиру я люблю больше.

Стафис нахмурился, отпирая дверь и пропуская их вперёд.

– И всё же, надеюсь, после сегодняшнего происшествия ты больше не станешь самовольно сбегать в поля? Вы садитесь, я заварю чай.

Сёстры устроились на двух единственных стульях, а Лидия забралась на колени к Мари. Пока Стафис наливал воду в чайник, Кассандра продолжила за него, не выдержав вопросительного взгляда девочки:

– Лиаверы – безумно дорогие цветы, Лидия. Но дело даже не в этом. Есть такие люди...

– Ходят слухи, – вмешалась Мари. – Об этих людях ходят слухи, Касси. Мы не знаем наверняка.

– Как это не знаем, если Лидия своими глазами сегодня... э-э... то есть мы вместе своими глазами...

– Да брось, Касси, я уже понял, что Лидия улизнула без вас, – вздохнул Стафис.

Кассандра невольно улыбнулась: не ругается, надо же! Но тут же одёрнула себя и строго посмотрела на девочку.

– Так вот, Лидия, – продолжила она, – лиаверы – это цветы пятого класса, поэтому в их сектор запрещено ходить без допуска, там может быть опасно. Не то чтобы там часто случались такие вещи, но всё возможно.

– Так кто же это?! – нетерпеливо воскликнула Лидия. – Что за женщина?

– Ливьера, – отозвался Стафис. Ожидая, пока заварится чай из дешёвых пакетиков, он плеснул на себя водой и несколько раз провёл ладонями по бритой голове и лицу, словно надеялся смыть круги под глазами.

– Лив... как цветок, что ли?

– Созвучно. Говорят, что они обладают волшебной силой, потому что едят лиаверы. Но это, конечно, полный бред! Ты же знаешь, Лидия, – тоном школьного учителя сказал Стафис, – что раньше наша страна называлась Королевство Флориендейл. Как давно существует Соединённая Федерация, ну-ка?

– Пятнадцать... или нет, шестнадцать лет, – ответила девочка.

– Верно. А дальше всё просто. Ливьеры – это такие люди, которые собрались вместе, потому что до сих пор хотят вернуть королеву на трон. Про них иногда говорят по телику, выставляют их опасными преступниками и врагами Федерации, ничего нового.

– Мы же продали телевизор? – протянула Лидия.

– Да, но он есть у меня на работе.

– Ну вот, а в школе нет... – девочка поджала губы.

– Стафис, но они же на самом деле не опасны? – Мари приняла чашку из рук Стафиса и благодарно кивнула. – Много их?

– Этого я не знаю, Мари, а верить официальным цифрам нет смысла. Я их даже не запоминаю.

– Но ты на стороне лиавер, да? Тьфу, то есть ливьер, – спросила Кассандра. – Ты бы тоже хотел вернуть королеву?

Она сто лет жила по соседству со Стафисом, но не слишком хорошо его знала. Стафис больше времени проводил с Мари, которая помогала ему в больнице и часто оставалась приглядывать за Лидией, когда у него были долгие дежурства или вызовы.

– Да какие тут стороны? Я не то чтобы одобряю эту шайку у власти, – Стафис понизил голос, будто кому-то в такой глуши могло прийти в голову подслушивать их разговор.

Конечно, он обращался уже не к сестре, а к девушкам. Лидия быстро заскучала и занялась поглощением печенья, до которого могла дотянуться, не вставая с колен Мари.

– Сначала Линчев, потом Роттер... Я за достойную жизнь, вот за что я. Последняя королева была такая... неуверенная в себе дама, насколько я помню. – Он на мгновение задумался. – И всё-таки при новой власти жизнь стала... Да что вам объяснять, сами знаете.

Кассандра огляделась. Все без исключения дома в их посёлке обветшали и нуждались в капитальном ремонте. Работы тут было мало, особенно зимой. Каждый год власти округа отбирали у них несколько цветочных секторов и передавали более крупным поселениям. Можно было устроиться в школу или больницу, но и там платили так мало, что Стафис в своё время переругался со всеми родственниками, когда отказался уезжать в Индувилон на заработки. Ссора тянулась несколько месяцев, пока отец не придумал оставить Стафиса «на хозяйстве» с маленькой Лидией, а старших сестёр забрал с собой. С тех пор обе стороны, продолжая жить в крайней бедности, удивительным образом были довольны друг другом.

– Перемены тогда произошли радикальные... – вспоминал Стафис. – Роттер всё с ног на голову перевернул, многих арестовали. Это, конечно, не понравилось ливьерам. Правда, эти дамы не сразу о себе заявили... лет пять-шесть назад.

– Там только девочки? – удивилась Кассандра. Об этом она слышала впервые.

– Девочки, женщины, верно.

– А где же мужчины? Или их всё устраивает?

– Откуда мне знать? – Стафис пожал плечами. Он размешал ложку цветочного мёда и громко отхлебнул из чашки. – Нет, вряд ли, конечно, мужчин всё устраивает. Может, они там эти... феминистки. В общем, если полиция ловит ливьер, их забирают в Роттербург. А раненые или больные ливьеры иногда забредают на наши поля, как будто им среди лиавер умирать не так страшно.

– Тогда их души попадают в рай, – тихо сказала Лидия.

Мари невесело усмехнулась.

– Стафис, а с той женщиной, ну которую я нашла, всё будет хорошо? – спросила девочка и дотронулась до своей щеки.

– Не знаю, сестрёнка, но доктора постараются её вылечить.

– А что потом? Вы выдадите её? Властям, я имею в виду? – напряжённо спросила Кассандра, пристально глядя на Стафиса.

Он покачал головой, отводя глаза.

– Это зависит от пациента, Касси. Я помню пару случаев... Обычно ливьера благодарит за помощь и тихо уходит, если только ей не попадётся особо законопослушный врач – так это не про наше захолустье. А вот была одна девчонка, хитрая лиса, ещё и рыжая... Она сама попросила передать её в окружную полицию.

– И что потом? – Кассандра затаила дыхание.

Стафис нахмурился, словно не хотел говорить, но всё-таки ответил:

– Застрелила полицейских и сбежала.

В

– Мы не можем казнить Эстель Амейн! – снова повторил Игорь Линчев. От волнения он то и дело щёлкал шариковой ручкой, и Роттера это уже начинало раздражать. – Ты подумай, что напишут в газетах!

– Я подумал, – Роттер усмехнулся, не отрывая глаз от города за окном. – Но время пришло. Шестнадцать лет назад ты был против, и правильно. Я рад, что хотя бы тогда папаша к тебе прислушался...

Из толстого Игоря вырвался какой-то звук – то ли вздох, то ли возглас негодования.

– Конечно, в тот момент такое громкое убийство... то есть я хотел сказать, казнь... нам бы только повредило, – меланхолично продолжил Роттер. – Но это было давно, а сегодня всё иначе. Не надо цепляться за прошлое, Игорь, оставь его гнить на компостной куче. Флориендейл – миф. – Роттера передёрнуло от отвращения. – Королева Флориендейла – миф. Она годами сидит в своей алилутской тюрьме и ещё столько же просидит, тут большого ума не надо. Ты пойми, о ней уже не помнит никто, кроме кучки психованных фанатиков – так этим всё равно никогда не угодишь. Ты говоришь: газеты. К чёрту газеты! Сейчас такой момент, когда мы можем повернуть это дельце по-тихому. Я хочу от неё избавиться, и точка.

– Но как же обещание, которое мы дали, когда... помнишь, обещание, что мы не тронем Амейн и ребёнка в обмен на информацию и лояльность нашего... сообщника? – Игорь проигрывал, но явно не собирался сдаваться без боя.

– Не будь так наивен, – ухмыльнулся Роттер и, развернувшись к Линчеву, внимательно на него посмотрел. – Наш друг и «сообщник» спасал себя, свою жалкую загибающуюся душонку, когда просил не убивать их. Мол, я предатель и подлец, но всё-таки не убийца. И мы охотно ему подыграли – зачем же доводить человека до иступления?

Игорь салфеткой промокнул выступивший на лбу пот.

– Только где он теперь, наш приятель? – продолжил Роттер. – Мы, кажется, позаботились о том, чтобы среди наших новых друзей не было предателей. Он уже, небось, давно помер. Его маленькое желание мы выполнили, но срок давности истёк, финита. Так что... нечего тянуть, – подвёл он итог. – Плесни мне шампанского, Игорь, это надо отметить.

– Отдашь приказ прямо сейчас? – спросил Линчев, доставая бутылку шампанского из стеклянного шкафчика в углу просторного светлого кабинета.

Роттер задумался.

– Нет, позже. Переговорю с Холландом, как лучше с этим покончить. Передай ему, пусть позво... нет, вызови его сюда. Давно уже он не показывался.

Когда Линчев ушёл, Роттер встал, потянулся, разгибая затёкшую спину, и подошёл к окну так близко, что чуть ли не уткнулся в него носом.

– Отличная погодка сегодня, – довольно промурлыкал он.

Лучи солнца отражались в стёклах зданий; свет дробился, множился, и всё вокруг сияло. Восхитительно! В такую погоду Роттер гордился своим детищем даже больше обычного. Вот он – Роттербург, его столица, его мечта, а не Флора и Ориенталь, то жалкое подобие городов, где ему пришлось провести столько лет на пути к власти.

Роттер помнил, как его, тогда ещё тощего подростка, угораздило провалиться в этот мир с Поверхности. Это был не город и даже не деревня – место, куда его занесло. Так, горстка хижин на окраине леса. Роттер презирал людей, приютивших его, этих необразованных грубоватых дикарей, которые и носа не высовывали за ограду своих земель. В восемнадцать лет он свободно говорил на трёх языках, видел Чикаго, Пекин и Москву, погружался на подводной лодке и имел разряд по шахматам, но их интересовало только, умеет ли он доить коз. Просто кошмар! Роттеру до сих пор становилось дурно при одной мысли о козах, и он предпочитал не вспоминать об этом унижительном периоде своей жизни. Кроме разве что...

Впрочем, всё хорошо, что хорошо кончается, и через несколько лет скитаний по Флориендейлу, когда он наконец привык обходиться без электричества, научился ездить верхом и в совершенстве освоил их убогий диалект, Роттер случайно наткнулся на портал домой. Пространственные дыры открывались и закрывались произвольно в самых непредвиденных местах, но обычно – только в одну сторону. А ему повезло!

Ликующий Роттер вернулся на Поверхность и зарёкся, что ноги его больше не будет во Флориендейле. Он решил податься в политику. Но быстро уяснил, что все места в партере уже заняты, а глядеть на сцену, стоя в пятом ряду на балконе слева, он не хотел. На Земле не нужны были такие, как он, мастера по козам и выращиванию капусты без школьного аттестата, своё время он упустил. Однако отказываться от мечты о грандиозной политической карьере Роттер не хотел. Семь лет жизни не так-то просто вычеркнуть из памяти, и он задумался: а надо ли вычёркивать? К Флориендейлу он испытывал лишь брезгливость, оказаться там и снова вляпаться в их средневековый быт – ничего не могло быть хуже. Но что, если новый мир станет играть по его правилам?..

Мысль эта была так соблазнительна, что он стал буквально одержим ею. Он вспомнил, как долговязая нескладная девица, «королева» Эстель, махала ручкой с балкона своим новым подданным, когда Венда Амейн вышла на пенсию – или как они там это называли. В том мире партер был пуст, и он, Роттер, мог не просто занять лучшее место – он мог дирижировать оркестром!

К тому времени как международное сообщество признало Флориендейл и толерантно провозгласило принцип невмешательства в дела Нового мира, Роттер уже нашёл того, кого искал: биофизика Эдгара – амбициозного, гениального и недооценённого. От Эдгара вечно несло вонючим табаком, а Роттер ненавидел курильщиков, однако старик полагал, что знает, как стабилизировать пространственные порталы между мирами, так что приходилось терпеть.

К сожалению, Линчева интересовали только сами исследования. Он делал это «для науки», чтобы его наконец-то начали приглашать на конференции вместе с большими шишками. Он отказался делиться с Роттером своими разработками. Пришлось потратить ещё несколько месяцев, чтобы ублажить старика, очаровать его невзрачную дочку Ирину Линчеву и сына-неудачника Игоря, и вот уже они вместе следили за раскрытием пространственного коридора в другой мир, впервые проходившим под полным контролем человека!

Это было не менее легендарно, чем высадка Армстронга на Луну, но Роттер, надавив на все рычаги и прибегнув к волшебному воздействию табака и алкоголя, заставил Эдгара умерить гордыню и скрыть эксперимент от академиков. Эдгар жаждал признания и почёта, толпы, которая будет кричать его имя, – всё это и даже больше Роттер пообещал ему, но не на Земле, а в Новом мире. Конечно, после всего, что он вынес, Роттер не собирался ни с кем делиться своим триумфом: он подтолкнул старика в будущее кресло предводителя специально. На фоне обрюзгшего и нелепого Линчева Роттер выглядел разумным и надёжным управленцем. Что ж, Линчев это понял, но слишком поздно.

Королевство сдалось легко – теперь Роттеру так казалось, хотя гражданская вой на велась долгие три года и унесла немало жизней, в том числе среди его людей. Были забастовки и марши, убийства и теракты, перебежчики, дезертиры, были жертвы среди населения. Роттер

не считал себя виноватым ни в чём. Он лишь заронил семя недовольства – будь эта земля неплодородной, оно бы не возшло. А раз возшло, да ещё и расцвело таким буйным цветом, значит, были предпосылки.

Главным препятствием до самого конца оставалась ненавистная магия, которая пронизывала Новый мир, словно плесень – гниющие продукты. Она до чёртиков пугала Роттера, хоть он и был достаточно умён, чтобы никому об этом не говорить. Ему нечего было противопоставить их шаманским фокусам: его лучшие самолёты не летали, а солдаты вязли в болотах по мановению руки магистров королевы. Но Роттер не сдавался и был вознаграждён. Настал день, когда их преданный пёс – королевский предатель – прибежал сообщить, что стихии вышли из-под контроля. Это означало победу! Впереди ждало столько проектов...

Его мысли прервали отрывистый сигнал интеркома и голос секретаря:

– Господин Роттер, к вам майор Холланд, начальник отдела по делам...

– Пропусти! – рявкнул Роттер. – Я знаю, кто такой Холланд, ради всего святого.

Мужчина средних лет в тёмной военной форме и при оружии вошёл в кабинет. Он дважды хлопнул себя по груди в знак приветствия, коротко поклонился и выложил пистолет на тумбу у дверей. Холланд был последним человеком на свете, кто стал бы угрожать Роттеру, но так было положено по инструкции, а он всегда щепетильно следовал указаниям.

Как обычно, Холланд морщился – его привычное выражение лица, будто он всё время жевал лимон. Выглядело это довольно отталкивающе, но Роттер ведь его не для красоты нанимал. Холланд начинал свою карьеру как телохранитель Роттера. И в этом деле его высокий рост, широкие плечи, а главное – невероятная преданность и привычка не задавать вопросов ценились больше, чем приятная наружность. С мозгами ему тоже повезло, и он быстро выслужился, оказавшись сообразительнее других людей Роттера. Разглядев талант Уильяма Холланда, Роттер не стеснялся применять его по назначению. Несколько лет назад он отправил Холланда в Алилут управлять тюрьмой особого режима, где содержались в основном политические преступники. Туда требовался как раз такой человек.

– Прекрасно, Уильям, что ты поспешил, – сказал Роттер, выступая ему навстречу. – Но как же это? Я полагал, мой вызов застанет тебя в Алилуте.

– Совпадение, командир, – кивнул Холланд. – Я только из машины. Хотел... обсудить один спорный вопрос.

Он стоял перед Роттером, вытянувшись и сложив руки за спиной. Вся его фигура, как обычно, выражала исполнительность и боевую собранность, но Роттер чувствовал: что-то не так. Как тогда, когда его бывшая секретарша – толковая, а не та курица, что сидела теперь в приёмной, – пришла к нему молить о декретном отпуске.

– В чём дело, Уильям? – Роттер осмотрел его с головы до ног. – Ты же знаешь, я во всём тебя поддерживаю. Может, Алилут утомил? Полагаю, ты уже готов к некоторому повышению до губернатора, к переезду.

– Меня вполне устраивает Алилут, командир... – Холланд осёкся.

– Да? – Роттер вскинул брови. – Что за неловкая пауза, растолкуй?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.